

государства и права въ атмосферѣ церковной любви и единенія. Соловьевъ же послѣднимъ въ исторіи представителемъ государственности, всемірнымъ императоромъ, дѣлаеть въ *Трехъ разговорахъ* Антихриста, чѣмъ приводится къ религіозному абсурду все государственное начало, разъ оно способно сдѣлаться прямымъ орудіемъ Антихриста. Христіанство въ своей исторіи облеклось, къ худу-ли или къ добру, тяжелыми доспѣхами государственности или, лучше сказать, оно приняло на себя эти старыя, языческія еще, доспѣхи, лишь начертавъ на нихъ крестъ. Однако въ своихъ наиболѣе интимныхъ и глубокихъ чувствахъ оно остается все-таки внѣ—государственно, начиная отъ Апокалипсиса и первыхъ христіанъ (о которыхъ недаромъ говорилъ государственникъ-патріотъ Цельсъ, что, если бы всѣ стали христіанами, государство сдѣлалось бы добычей варваровъ), продолжая пустынноиками Египта, Сири, Палестины, Францискомъ и западнымъ монашествомъ, нашими русскими пустынноиками, странниками, юродивыми, „Божьими людьми“. И этого не выдумалъ Толстой, а только по своему примѣнилъ это наблюденіе въ своей практической программѣ недѣланія и неучастія. Въ своемъ стремленіи къ опрощенію онъ страшно упростилъ и эту жизненную задачу, а потому не въ силахъ оказался ее разрѣшить, ибо разрубить узелъ не значитъ его распутать. Но все-таки вопросъ такъ и остается вопросомъ для мыслящихъ христіанъ, для религіозной совѣсти.

Наибольшую религіозную непрерываемость имѣеть, однако, другой мотивъ ученія Л. Н. Толстого,—его обращеніе къ *личной совѣсти* и къ *личной ответственности* каждаго. Въ механизмѣ культуры съ ея вещнымъ характеромъ и люди разсматриваются лишь въ свѣтѣ вещной законѣрности. Они и сами, наконецъ, начинаютъ вѣрить этому и считать себя за вещи, сдѣланныя какимъ-то безличнымъ мастеромъ—силою вещей. Нужно заставить человѣка освободиться отъ этого марева, почувствовать свою духовную личность, свободную и потому отвѣтственную предъ Богомъ. Это есть то, что можно назвать духовнымъ рожденіемъ личности, и что происходитъ на самомъ порогѣ духовной жизни. Религіозному пробужденію въ нашей средѣ, скованной духовнымъ параличомъ мнимой культурности, могущественно содѣйствовалъ Толстой, и столько же своей проповѣдью, сколько и обаяніемъ своей личности. Вотъ въ какомъ смыслѣ онъ, на этотъ разъ въ полномъ со-